

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

DOI: 10.19181/population.2020.23.2.6

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ: ОТВЕТ НА СОЦИАЛЬНЫЕ КРИЗИСЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ¹

Хультман М.*, Пуле П.

Технологический университет Чалмерса (Chalmers University of Technology)
(SE-412 96, Sweden, Gothenburg)

*E-mail: martin.hultman@chalmers.se

Для цитирования:

Хультман М., Пуле П. Экологическая маскулинность: ответ на социальные кризисы нашего времени // Народонаселение. – 2020. – Т. 23. – № 2. – С. 61-71. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.6

Аннотация. В статье представлен критический анализ конфигураций маскулинности, доминирующих в политике во всем мире, обозначаемый авторами терминами «индустриальная маскулинность / маскулинность кормильца» и «современная экологическая маскулинность». Раскрыта авторская позиция, состоящая в том, что первые два типа маскулинности определены и очевидно препятствуют благополучию планеты. В тексте предложен эмпирический и теоретический анализ «экологической маскулинности», рассматривающий достижения и недостатки исследований в области маскулинности, глубинной экологии, экологического феминизма, а также феминистской теории заботы. Внимание в статье сосредоточено на необходимости «экологизации» маскулинности, а также на том, что мужчинам необходимо изменить модель своих отношений на более «экологичную» как по отношению к самим себе, так и к другим. С целью обоснования необходимости перехода от гегемонизации к экологизации рассматривается понятие необходимых конфигураций вне рамок индустриальной маскулинности / маскулинности кормильца и современной экологической маскулинности. Авторы утверждают, что раскрытие потенциала и разрешение антропоцентрических разногласий между Землей, иными существами и людьми возможно непосредственно в рамках конструктов человечества. Предлагаемое понятие экологической маскулинности — это конструктивная реакция на роли мужчин и типы мужской идентичности в эпоху антропоцена. Политика выхода, имеющая решающее значение для понимания экологической маскулинности, представляет собой теоретическую базу и множество практик, отражающих процесс экологизации маскулинности. Авторы призывают к продолжению исследований теории и практики в области маскулинности, целью которых может стать всеобъемлющая и серьезная забота о глобальных (глобальных и локальных) общественных благах.

Ключевые слова: индустриальная маскулинность, маскулинность кормильца, современная экологическая маскулинность, глубинная экология, экологический феминизм, глокальность.

© Хультман М., Пуле П., 2020

¹ Автор перевода статьи на русский язык Лариса Понарина.

Введение

По сложившейся традиции, проблемы окружающей среды, природных ресурсов и изменения климата в области исследований маскулинностей не имеют первостепенного значения. В данной статье проанализирована связь маскулинности с окружающей средой. Мы проводим критический анализ двух конфигураций маскулинности, доминирующих в политике во всем мире, и обозначаем их терминами «индустриальная маскулинность» и «маскулинность кормильца». Мы осознаем, что эти типы маскулинности препятствуют благополучию планеты. Мы переходим к анализу эмпирической и теоретической третьей формы маскулинности, которую называем «современной экологической маскулинностью», рассматривающей достижения и недостатки исследований в области маскулинности, глубинной экологии, экологического феминизма, а также феминистской теории заботы. Тем самым мы призываем к продолжению научных исследований и практики в области маскулинности, целью которых станет всеобъемлющая и серьезная забота о глокальных (одновременно глобальных и локальных) общественных благах.

До сих пор исследования в области маскулинности были сосредоточены на проблемах классов, сексуальности, насилия, преступности, образования, семьи, популярности средств массовой информации, милитаризма и правосудия [1; 2; 3; 4]. Одним из первых исследований, поднявших проблему «гегемонной маскулинности» в связи с проблемами окружающей среды, стало социологическое исследование сельских мужчин — лидеров в вопросах окружающей среды, которое провела Рейвин Коннел [5]. Позднее мы вернемся к нему для более подробного ознакомления. Помимо данной статьи, а также недавних публикаций на эту тему, которых становится все больше [4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], в литературе сравнительно редко можно встретить пересечение исследова-

ний по вопросам маскулинности и экологической политики [14].

С точки зрения мировой научной полемики, человеческий вид стал мощной геологической силой, разрушающей наши собственные условия существования и условия существования многих других видов на Земле. Это тесно связано с новой эпохой, обозначаемой широким термином «антропоцен²», или с антропогенными (вызванными деятельностью человека) изменениями климата и окружающей среды [15. С. 160, 230]. Для эпохи антропоцена характерны проявления гендерного неравенства в разных сферах [16; 17; 18; 19].

Мужчины социализируются таким образом, чтобы действовать абсолютно деструктивно по отношению к суверенитету человека и существ, не относящихся к человеческому виду, или «иных» существ [20. С. 43]. Эти деструктивные понятия мужских норм и моделей поведения мы определяем как индустриальную маскулинность или маскулинность кормильца [4]. К сожалению, маскулинность нападки на политику и на практики, направленные на поддержание жизни, не редкость. Они также находят поддержку среди реформистских лидеров, участвующих в переговорах по вопросам изменения климата на государственном уровне. Вторая группа мировых лидеров, которые в целом руководствуются благими намерениями, тесно связана с разработкой государственной политики и практики. К этой группе также относятся мужчины, занимающие высшие должности в транснациональных корпорациях, формирующих эти повестки. По мнению приверженцев подхода современной экологической маскулинности, при принятии решений о судьбах планеты эти мужчины отводят главную роль исследованиям по проектированию и геоинженерии, а не разрешению мировых социальных и экологических проблем [21]. Подход, кото-

² Антропоцен — неформальный геохронологический термин, обозначающий геологическую эпоху с уровнем человеческой активности, играющей существенную роль в экосистеме Земли. — Примечание переводчика.

рый применяется в данных исследованиях, соответствует позициям экологического феминизма, в рамках которого данные и смежные проблемы изучаются уже более 40 лет [22].

С целью обоснования необходимости перехода от гегемонизации к экологизации рассмотрим понятие необходимых конфигураций вне рамок индустриальной маскулинности/маскулинности кормильца и современной экологической маскулинности. Понятие экологической маскулинности, предлагаемое нами,—это конструктивная реакция на роли мужчин и типы мужской идентичности в эпоху антропоцена. Политика выхода, имеющая решающее значение для нашего понимания экологической маскулинности, представляет собой теоретическую базу и множество практик, отражающих то, что мы рассматриваем как процесс экологизации маскулинности [4]. Прежде чем разяснять, что такое экологическая маскулинность, мы представим краткую критическую оценку индустриальной маскулинности/маскулинности кормильца и экологической маскулинности, принимая во внимание конфигурации, оказывающие влияние на социальные, экономические, политические и экологические условия. Эти различные конфигурации маскулинности представляют собой необозначенные (стандартизованные) категории, социальное и экологическое влияние которых на мир нормировано системами, которые их создали, и которые продолжают их поддерживать [11].

Мы продолжаем данный анализ, вводя экологическую маскулинность как родственную категорию, основанную на заботе о глокальных проблемах. Этот термин, демонстрирующий слияние глобализации и локализации, используется с 1980-х гг., и подчеркивает преимущества одновременной универсализации и конкретизации (то есть отдельности) при анализе социальных и экологических проблем. При этом прежние типы мужской социализации еще доминируют, демонстрируя ограничивающие конфигурации совре-

менной западной маскулинности, когда спорные выступления приверженцев этих подходов сводятся к глобальной плодородности и репродуктивности не только в отношении человеческого рода и представителей «иных» видов, но также мужчин и маскулинностей.

Медленное насилие со стороны индустриальной маскулинности / маскулинности кормильца

Наиболее активными сторонниками (и получателями выгоды) отрицания западного индустриального экстрактивизма и глобального потепления являются мужчины [22]. Мы используем термин «индустриальный», в первую очередь, в отношении лиц, которые владеют и управляют средствами производства, а также поддерживают и контролируют корпорации услуг на самом высоком уровне и получают щедрое вознаграждение благодаря практикам повышения благосостояния, созданными индустрией. Наиболее наглядные примеры представителей этих типов маскулинности — руководители предприятий в сферах ископаемого топлива и горной промышленности, финансовые менеджеры и банкиры, менеджеры и администраторы среднего и высшего звена корпораций, подавляющее большинство которых является белыми западными мужчинами [23]. В эту категорию мы также включаем держателей акций, поскольку они получают прибыль от компаний, в которые вкладывают средства, и приходим к выводу, что демографические характеристики этой группы могут быть многообразными, и, следовательно, проводим критический анализ, в первую очередь, владельцев контрольных пакетов акций, которые также чаще всего являются белыми западными мужчинами.

Термин «индустриальный» также указывает на то, что ради накопления капитала социальные и экологические последствия индустриализации отдвигаются на второй план. Термин «кормилец» отно-

сится к работникам, которые эксплуатируют средства производства по распоряжению тех, кто владеет промышленной собственностью и контролирует ее. К ним относятся сотрудники профилирующих отраслей добывающей промышленности, менеджеры низшего и среднего звена данного производства, а также сотрудники и руководители служб поддержки, благодаря которым первичная продуктивность успешно развивается и способствует социо-экономической взаимозависимости между ними и владельцами предприятий.

Одно лишь предположение о том, что мы живем на уязвимой планете, стремительно меняющейся под влиянием такого антропогенного фактора, как выбросы углерода, вызывает решительный протест, — в частности, со стороны тех, кто стремится к извлечению максимальной выгоды от нерегулируемой индустриализации, и чья гендерная идентичность, как и следовало ожидать, очень тесно связана с индустриальной маскулинностью (маскулинностью кормильца), согласно нашему определению [4; 24; 25]. Предыдущие исследования показывают, что отрицание проблем глобального потепления исходит от небольших групп мужчин (главным образом, белых западных мужчин), неразрывно связанных с социализацией по типу мужской гегемонизации, и демонстрирующих явные черты мужских магистральных социо-экономических и политических механизмов. Поскольку сегодня во главе угла вновь оказались проблемы климата, в ответ последовала оживленная реакция отрицания проблем климата со стороны этой категории союзников и получателей выгоды, представляющих корпорации и промышленность [26]. В связи с этим можно вспомнить, что еще в 1980-х гг. в корпорации Exxon Mobil было проведено исследование, результаты которого подтвердили, что выбросы отходов переработки угля привели к серьезным последствиям, но этот факт умышленно замалчивался руководством корпорации

с целью расширения рынков и сохранения прибылей [25].

«Зеленый камуфляж» современной экологической маскулинности

Современная экологическая маскулинность связана с реформистскими реакциями на экологические проблемы. Эти мужские идентичности характерны для всех лидерских ролей в ходе реформ социальной и экологической политики на местном, региональном и международном уровне, а также в корпорациях, занимающихся инновациями в сфере технологических решений и чистой энергии, направленных на разрешение наших актуальных социальных и экологических проблем.

Экологической модернизацией можно считать совокупность организованных реакций, признающих лишь на словах размеры ущерба, нанесенного индустриализацией человеческому обществу и природе Земли, и предлагающих ограниченные способы защиты и сохранения экономического роста наряду с разумной заботой об обществе и окружающей среде [27; 28]. Это движение поддерживается, в частности, мужчинами, которые занимают высшие позиции в сфере регулирующего контроля, и которые по-прежнему руководствуются мотивами корпоративного капитализма, связанными с извлечением прибыли, уделяя огромное внимание махинациям с продукцией и торговлей, предлагая при этом минимальные меры по компенсации ущерба семьям трудящихся и уменьшению неблагоприятного воздействия на экосистемы, от которых зависит наше выживание и благополучие, безотносительно к достатку и уровню жизни [21].

Современная экологическая маскулинность обычно рассматривает устойчивость в связке с неолиберализмом. В отличие от того, как индустриальная маскулинность /маскулинность кормильца стремится найти компромисс, современная экологическая маскулинность

представляется парадоксальной формой: наряду с мужеством, решительностью и международной ответственностью, а также возрастающей заботой о глобальном достоинстве человечества, она остается приверженной рыночным силам. В этом смысле мы считаем, что современная экологическая маскулинность в какой-то степени противостоит идеям феминизма.

Иллюстрацией может служить пример Илона Маска (Elon Musk). Выдвигая идею стремления к высокому положению в качестве популярной идеологии, Маск был провозглашен «умнейшим предпринимателем» XXI в. и человеком, которому свойственно пассионарное отношение к радикальным масштабным социальным и экологическим нововведениям. Он известен своими многочисленными стратегиями защиты окружающей среды, направленными на то, чтобы «сделать мир более зеленым и лучшим местом» с помощью использования технологии увеличения продолжительности «хорошей жизни» для всех [29]. Но внедрение нововведений Маска в качестве общих и всеобъемлющих стратегий изменения выявляет зависимость от определенных технологических решений, а именно от электромобилей, увеличения потребности в усилении роста экономики, подпитываемой социальными, экономическими и политическими проблемами, которые целиком зависят от политики экстрактивизма — регулируемой добычи природных ресурсов Земли в промышленных целях [30].

Мы утверждаем, что для применения глубинного и всестороннего, «почвеннического» подхода к Земле и к заботе о себе, мы должны отойти от «зеленого камуфляжа» современной экологической маскулинности. В следующих разделах мы представим третью категорию маскулинности, которая ускоряет переход к более высокому уровню заботы о глобальном достоинстве человечества. Мы обсудим четыре направления, вдохновлявшие нас, которые формируют основы теории экологической маскулинности и указывают на множество соответствующих практик.

Экологическая маскулинность: объединяя знания четырех традиций

Поскольку наша работа направлена на рассмотрение экологической маскулинности, мы обратились к знаниям, полученным благодаря предыдущим четырем важным исследовательским традициям. Мы признаем, что это не единственные ресурсы, делающие экологизацию маскулинности значимой, но мы представляем те из них, которые стали важнейшими ориентирами для нас. Это политика маскулинности, глубинная экология, экологический феминизм и феминистская теория заботы.

1. Политика маскулинности. Первое направление, оказавшее значимое влияние на нашу формулировку концепции экологической маскулинности — это исследования в рамках направления, рассматриваемого в широком понимании как политика маскулинности. Данная область исследования представляет многообразный комплекс подходов, анализирующих мужчин и маскулинность наряду с их влиянием на тех, кого считают «другими», «отдельными» [4]. Мы выражаем особую признательность австралийскому социологу Рейвин Коннел, которая в своих публикациях исследовала не только сложности и последствия гегемонной маскулинности [31; 32]. Она также исследовала воздействие гегемонной маскулинности на отношения человека и природы в своей главной работе «A Whole New World: Remaking Masculinity in the Context of the Environmental Movement» («Целый новый мир: переосмысление маскулинности в контексте экологического движения») [5]. Коннел уделяет особое внимание тому, что мужчины узаконили мужское доминирование до такой степени, что позиции их господства закрепились и инкорпорированы через иерархические, агрессивные, конкурирующие и гомосоциальные сети, продвигающие мужчин и включающие женщин, и которые настолько распространены, что они сохраняются даже в сообществах, добившихся соци-

альной и экологической справедливости [23. С. 5]. Ее анализ мужского доминирования актуален также в связи с отношениями человека и природы, при которых социальное и экологическое воздействие становится нормой в контексте законодательно закрепленных систем. Мы приводим три основных принципа работы Коннел в нашем исследовании концепции экологической маскулинности: важность аналитического плюрализма, понимание гегемонии и фронтальные исследования способов, с помощью которых экология может способствовать политике «выхода» для мужчин в частности и для людей в целом.

2. Глубинная экология. Концепцию «глубинной экологии» ввел Арне Нэсс, который придавал первостепенное значение высокому уровню самосознания, глубокому уважению к природе и заботе о Земле. Нэсс стремился покончить с антропоцентризмом и утверждал, что люди должны воспринимать себя как неотъемлемую часть природы. Глубинная экология призывает нас считать индивидуальные и личные соприкосновения с природой и нашим глубинным «Я» ориентирами в этом исследовании. Через призму глубинной экологии экософия (или персонифицированная мудрость Земли) распространяет способы, с помощью которых забота о Земле освобождается от явления людей в качестве неизбежных и уникальных земель [33]. Соглашаясь с Нэссом по поводу необходимости приведения человечества в равное положение с остальными проявлениями жизни и множеством ее сложных процессов, мы утверждаем, что именно более глубокое признание ценности друг друга, иных «других» и самих себя в неизбежной взаимосвязи с жизнью в целом также рассматривается как ценная составляющая экологической маскулинности. Эта онтологическая аргументация вернула себе прежние позиции в академических дискуссиях в начале XXI в. на основе таких традиций, как материальный феминизм, постгуманизм, исследование в области науки и техники [4].

В своей работе «Nature Ethics: An Ecofeminist Perspective» («Этика природы: экофеминистский подход») Марти Кил [34] утверждал, что всепроникающая гендерная близорукость мужчин, являющихся лидерами в вопросах окружающей среды, стала показателем необходимости экологического феминизма, позиционируемого как инспирированная феминизмом экологическая революция, которую глубинная экология не смогла целиком охватить за пределами гибкой теории Нэсса. Эта важная мысль помогает нам отличать экологическую маскулинность от глубинной экологии. Мы выступаем за более точное согласование с основными положениями экологического феминизма, чего не произошло в рамках глубинной экологии Нэсса [35]. Экологическая маскулинность отдает приоритет структурному значению гендерной политики, отраженной в языке в той же мере, что и практика, принимая во внимание тот факт, что этот вклад в «светлое зеленое будущее» слишком велик, чтобы отнести его к индивидуальным и гендерно-ориентированным направлениям экософии. Мы считаем, что гендерный анализ должен играть решающую роль в любой структурной трансформации на пути к практике, инспирированной глубинной экологией, и отдающей приоритет социальной и экологической справедливости.

3. Экологический феминизм. В качестве нашего третьего источника влияния, экологический феминизм привносит богатое, многообразное и фундаментальное лидерство в наши интерпретации выскомерия гегемонной маскулинности. Экофеминисты напоминают нам о том, что не ко всем людям относятся одинаково [36]. Например, состоятельные люди на региональном или международном уровне в большей степени причастны к созданию социального и экологического неравенства, и, соответственно, к получению от него выгоды. Существует теория о том, что экологический феминизм завоевывает свои позиции с момента возникновения данного дискурса в начале 1970-х

гг. [37]. Хотя мы признаем историческую роль таких направлений, оппонирующих направлению магистральной маскулинности, мы также опровергаем и традиционалистские интерпретации, характерные для некоторых бинарных экофеминистов, сосредоточенных на необоснованном представлении о том, что, согласно биологической терминологии, женщинам от природы присущи заботливость и отзывчивость, а мужчинам — нет. Чем, по существу, они загоняют всех мужчин в угол из-за их якобы недопустимого и неприемлемого поведения, если оперировать социо-политическими и экологическими терминами. Если выйти за рамки этих традиционалистских взглядов, как делает подавляющее большинство исследователей экофеминизма, мы заинтересованы в конструктивных решениях стоящих перед нами проблем, которые позволяют некоторым основным принципам экологического феминизма найти свое воплощение в дискурсах, связанных с проблемами мужчин и маскулинности. Тем самым мы стремимся особо подчеркнуть способность всех мужчин и всех типов маскулинности участвовать в реализации политики «выхода», направленной на создание «светлого зеленого будущего» [10].

Разработаны обоснованные теории, которые появились и получили развитие как экологический феминизм, и они помогают нам предвидеть уровни многообразия, уводящие нас от традиционалистских/детерминистских толкований экологической маскулинности, и направляющие к социальному/структурному ее толкованию. Кроме того, согласно положениям экологического феминизма, концептуальные и политические последствия данного анализа должны также сопровождаться индивидуальными персонализированными практиками.

4. Феминистская теория заботы. Мария Пиуг де ла Белласка [38] указывала на то, что забота — это овеществленное явление, неизменно подкрепляемое материально. Забота обязывает нас участвовать в на-

шей жизни и в нашем окружении, в которых мы существуем, весьма конкретными способами. Например, мы любим (проявляем заботу по отношению к кому-то или чему-то) и заботимся (через вещественное/материальное выражение наших действий) о потребностях нашего партнера, образовании детей, доме, саде, питомцах и так далее. Это мотивирует нас ценить других и вести себя соответствующим образом. Забота побуждает нас великодушно поддерживать других, быть полезными в соответствии с тем, что мы считаем порядочным и хорошим. Забота присуща всем людям в той или иной степени, и она скорее была средством выживания человеческого рода, и в этом смысле, в сущности, не является гендерно-дифференцированной. Однако наша социализация формирует диапазон наших ожиданий относительно заботы и непосредственно влияет на то, как мы проявляем себя в повседневной жизни. Том ван Доорен [39] отмечал, что забота становится важным понятием, формирующим наше взаимодействие с окружением, на разных уровнях — от общемирового до местного. Ван Доорен также указывал на то, что «забота — это жизненно важное понятие для людей, вовлеченных в решение проблем окружающей среды» [39. С. 293]. В этом смысле забота может быть великой движущей силой, побуждающей нас самоотверженно действовать, порой выходя за пределы рационального мышления, вплоть до самопожертвования, когда мы взаимодействуем с другими людьми или иными созданиями, отличными от людей.

Нам нужно не только, в широком смысле, перенаправить заботу мужчин (это очевидная необходимость, принимая во внимание существование токсичных структурных институтов, например, таких, как администрация президента США Д. Трампа), но и убедиться в том, что параметры заботы шире и глубже (что не характерно для явно патерналистских институтов). Тем самым мы подходим к тому, чтобы на всю жизнь привести мужчин и маскулинность в са-

мое сердце «светлого зеленого будущего». Такovy представленные нами концептуализация и практика экологической маскулинности.

Экологическая маскулинность: от гегемонизации к экологизации

В то время как индустриальная маскулинность/маскулинность кормильца оказывает губительное влияние на планету, а деятельность сторонников современной экологической маскулинности привела к некоторым (далеко не революционным) успехам на планете, экологическое состояние Земли ухудшается. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего творческого поиска по-настоящему эффективных решений проблем, которые стоят перед нами.

В этом разделе мы приводим аргументы в пользу того, что источник мужской гегемонизации — медленное насилие, убивающее нашу планету. Соккрытие этого важнейшего элемента в мозаике нашего времени сняло вопрос о роли мужчин и маскулинности с повестки дня — всеобъемлющая забота о глобальном достоинстве человечества однозначно воспринимается как посягательство на современный западный уровень жизни, а также как усвоенное превосходство, сопровождающее мужское доминирование, как забота, удовлетворяющая, прежде всего, потребности западных белых состоятельных мужчин, в то время как забота о социальных и экологических проблемах перекладывается на женщин. Итак, как нам избежать повторения гендерных ошибок прошлого? Один из важных ответов на этот вопрос — признать, что существует множество онтологических основ маскулинности, и это значит, что в сущности мы не закреплены в рамках парадигмы и практики мужского гегемонизма, как могут полагать представители мужского мейнстрима. Другой ответ — признать тот факт, что мужская гегемонизация существует, и что она может быть свойственна всем людям, независимо от того, какие

у них тела и идентичности, и тот факт, что экологическая маскулинность связана с отношениями человека и природы в целом. Мы также должны быть озабочены экологическими проблемами и посвятить себя преодолению патриархального поведения, осознав, что медленный экоцид нашей планеты со стороны мужского мейнстрима, которому дал определение экофеминизм, находится в самом центре наших социальных и экологических проблем. Приняв к сведению эти ответы, можно добиться положительных изменений, если придумать конкретные способы заботы о глобальном общечеловеческом достоинстве, и преобразовать заботу с целью нормализации практик социальной и экологической справедливости как присущих маскулинности и как альтернативных моделей социализации мужчин.

Экологическая маскулинность предлагается в качестве альтернативы индустриальной гегемонии (гегемонии кормильца) и современным экологическим реформам. Мы утверждаем, что раскрытие потенциала и разрешение антропоцентрических разногласий между Землей, иными существами и нами самими, возможно непосредственно в рамках конструкций человечества. В связи с этим мы считаем «экологическую» метафору, наряду с ее буквальными значениями, оптимальным термином, который можно применять не только в качестве имени существительного, но и глагола. Тем самым мы сосредоточиваем наше внимание на необходимости «экологизации» маскулинности, а также на том, что мужчинам необходимо изменить модель своих отношений на более «экологичную» как по отношению к самим себе, так и к другим. А это приведет всех нас к «светлому зеленому будущему».

Многообразие применения данного термина позволит уделять первостепенное внимание современной экологической маскулинности именно в плане отношений, и тем самым признать материальную взаимосвязанность людей и иных созданий. Наша задача заключа-

лась в том, чтобы показать способ, который поможет мужчинам освободиться от притягательных путей мужского доминирования и принять более активное участие в заботе о нашем общем будущем. Такой подход может направить нас в противоположную сторону от тревожной траек-

тории надвигающегося социального кризиса. Он помогает осознать цену мужского доминирования и оценить последствия магистральной маскулинности (индустриальной/кормильца), готовя нас к преимуществам новых отношений во всех сферах нашей жизни.

DOI: 10.19181/population.2020.23.2.6

ECOLOGICAL MASCULINITIES: A RESPONSE TO SOCIETAL CRISES OF OUR TIME³

Martin Hultman*, Paul Pulé

Chalmers University of Technology
(Gothenburg, Sweden, SE-412 96)

*E-mail: martin.hultman@chalmers.se

For citation:

Hultman M., Pulé P. Ecological masculinities: a response to societal crises of our time. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 61-71. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.6 (in Russ.)

Abstract. *The present article is concerned with the nexus of masculinities and environment. The authors present their critical analyses of two configurations of masculinities the authors refer to as 'industrial/breadwinner' and 'ecomodern' masculinities that dominate politics worldwide. The authors stated their opinion on the fact that the first two configurations of masculinities are acutely but distinctly in conflict with the wellbeing of the planet. The paper presents an empirical and theoretical analysis of 'ecological masculinities', which considers the insights and limitations of masculinities studies, deep ecology, ecological feminism and feminist care theory. In this article, the authors focus their attention on the necessity of ecologisation of masculinities as well as on the need for men and masculinities to 'ecologise' relationally and create more caring encounters with self and others. In support of the need in a transition from hegemonisation to ecologisation, necessary configurations beyond the constraints of industrial/breadwinner and ecomodern masculinities are presented. The authors also argue that the potential to expose and resolve the anthropocentric discord between Earth, others and human beings is possible within the very constructs of manhood. The notion of ecological masculinities suggested in the article is a constructive response to the roles of men and masculine identities in the Anthropocene. The exit politics central to the notion of ecological masculinities represent a theoretical framework and plurality of practices reflective of a masculine ecologisation process. The authors encourage scholarly masculinities inquiries and practices towards broader, deeper and wider care for the 'glocal' (global and local) commons.*

Keywords: *ecological masculinities, industrial/breadwinner masculinities, ecomodern masculinities, masculinities politics, deep ecology, ecological feminism, feminist care theory.*

³ Translated into Russian by Larisa Ponarina.

Литература и Интернет-источники / References and Internet sources

1. Kimmel M. *Masculinity as Homophobia: Fear, Shame and Silence in the Construction of Gender Identity*. St. Augustine. University of West Indies. 1996.
2. Kimmel M., Hearn J., Connell R. (Eds.) *Handbook of Studies on Men and Masculinities*. Thousand Oaks. SAGE. 2005.
3. Connell R., Pearse R. *Gender in World Perspective* (3rd ed.). Cambridge. Polity Press. 2015.
4. Hultman M., Pulé P. *Ecological Masculinities: Theoretical Foundations and Practical Guidance*. Milton Park. Routledge. 2018.
5. Connell R. A whole new world: Remaking masculinity in the context of the environmental movement. *Gender and Society*. 1990. Vol. 4(4). P. 452–478.
6. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making kin. *Environmental Humanities*. 2015. Vol. 6(1). P. 159–165.
7. Pease B. Reconstructing masculinity or ending manhood? The potential and limitations of transforming masculine subjectivities for gender equality. In: A. Carabí, J. Armengol (Eds.). *Alternative Masculinities for a Changing World*. New York. Palgrave Macmillan. 2014. P. 17–34.
8. Salovaara H. Male adventure athletes and their relationships to nature. Conference paper. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303234498_Male_Adventure_Athletes_and_Their_Relationship_to_Nature (Accessed: 23 May 2017).
9. Enarson E., Pease B. (Eds.). *Men, Masculinities and Disaster*. Milton Park. Routledge. 2016.
10. MacGregor S., Seymour N. (Eds.). *Men and Nature: Hegemonic Masculinities and Environmental Change*. Munich. RCC Perspectives. 2017.
11. MacGregor S. (Ed.). *Routledge Handbook of Gender and Environment*. Milton Park. Routledge. 2017.
12. Requena-Pelegri T. Green intersections: Caring masculinities and the environmental crisis. In: J. Armengol, M. Vilarrubias (Eds.). *Masculinities and Literary Studies: Intersections and New Directions*. New York. Routledge. 2017. P. 143–152.
13. Gaard G. *Critical Ecofeminism*. Lanham. Lexington Books. 2017.
14. Gaard G. Towards new ecomasculinities, ecogenders, and ecosexualities. In: C. Adams, L. Gruen (Eds.). *Ecofeminism: Feminist Intersections with other Animals and the Earth*. New York. Bloomsbury Publishing. 2014. P. 225–240.
15. Angus I. *Facing the Anthropocene: Fossil Capitalism and the Crisis of the Earth System*. New York. Monthly Review Press. 2016.
16. Haraway D. *When Species Meet*. Minnesota. University of Minnesota Press. 2007.
17. Gibson-Graham J. A feminist project of belonging for the Anthropocene. *Gender, Place and Culture*. 2011. Vol. 18(01). P. 1–21.
18. Harcourt W., Nelson I. (Eds.) *Practising Feminist Political Ecologies: Beyond the «Green Economy»*. London. Zed Books. 2015.
19. Di Chiro G. Welcome to the white (m) Anthropocene? A feminist-environmentalist critique. In S. MacGregor (Ed.). *Routledge Handbook of Gender and Environment*. Milton Park. Routledge. 2017. P. 487–505.
20. Warren K. *Ecofeminist Philosophy: A Western Perspective on What It Is and Why it Matters*. Lanham. Rowman & Littlefield. 2000.
21. Hultman M. The making of an environmental hero: A history of ecomodern masculinity, fuel cells and Arnold Schwarzenegger. *Environmental Humanities*. 2013. Vol. 2(1). P. 79–99.
22. Hultman M. Natures of masculinities: conceptualising industrial, ecomodern and ecological masculinities. In S. Buckingham and V. le Masson Understanding Climate Change through Gender Relations. London. Routledge. 2017. P. 87–101.
23. Connell R. Foreword: Masculinities in the Sociocene. In: S. MacGregor, N. Seymour (Eds.). *Men and Nature: Hegemonic Masculinities and Environmental Change*. Munich. RCC Perspectives. 2017. P. 5–8.
24. Anshelm J., Hultman M. A green fatwā? Climate change as a threat to the masculinity of industrial modernity. *International Journal for Masculinity Studies*. 2014. Vol. 9(2). P. 84–96.

25. Supran G., Oreskes N. Assessing ExxonMobil's climate change communications (1977–2014). *Environmental Research Letters*. 2017. Vol. 12(8). P. 1–18.
26. Hultman M., Anshelm J. Masculinities of climate change. Exploring examples of industrial, ecomodern and ecological masculinities in the age of Anthropocene. In: M. Cohen (Ed.). *Climate Change and Gender in Rich Countries*. London. Routledge. 2017. P. 19–34.
27. Adler F., Beck S., Brand K., Brand U., Graf R., Huff T., Zeller T. *Ökologische Modernisierung: zur Geschichte und Gegenwart eines Konzepts in Umweltpolitik und Sozialwissenschaften [Ecological Modernisation: the History and Present of a Concept in Environmental Policy and Social Sciences]*. Frankfurt. Campus Verlag. 2014. (in German)
28. Hultman M., Yaras A. The socio-technological history of hydrogen and fuel cells in Sweden 1978–2005: Mapping the innovation trajectory. *International Journal of Hydrogen Energy*. 2012. Vol. 37(17). P. 12043–12053.
29. Fiegeman S. Elon Musk to Quit Tesla, jumps on a Bitcoin tech startup. Available at: <http://cnn-newsreport.com/Elon-Mask-invests-72-million-on-a-bitcoin-tech-startup/> (Accessed: 4 October 2017).
30. Abraham D. *The Elements of Power: Gadgets, Guns, and the Struggle for a Sustainable Future in the Rare Metal Age*. New Haven. Yale University Press. 2015.
31. Connell R. *Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics*. Stanford. Stanford University Press. 1987.
32. Connell R. *Masculinities* (2nd ed.). Cambridge. Polity Press. 1995.
33. Næss A. The shallow and the deep, long-range ecology movement: A summary. *Inquiry*. 1973. Vol. 16. P. 95–100.
34. Kheel M. *Nature Ethics: An Ecofeminist Perspective*. Lanham. Rowman & Littlefield. 2008.
35. Diehm C. Natural disasters. In: C. Brown, T. Toadvine (Eds.). *Eco-Phenomenology: Back to the Earth Itself*. Albany. State University of New York Press. 2003. P. 171–185.
36. Plumwood V. *Feminism and the Mastery of Nature*. London. Routledge. 1993.
37. Cuomo C. Sexual politics in environmental ethics: Impacts, causes, alternatives. In: S. Gardiner, A. Thompson (Eds.). *The Oxford Handbook of Environmental Ethics*. New York. Oxford University Press. 2017. P. 288–300.
38. Puig de la Bellacasa M. Making time for soil: Technoscientific futurity and the pace of care. *Social Studies of Science*. 2015. Vol. 45(5). P. 691–716.
39. Van Dooren T. Care: Living lexicon for the environmental humanities. *Environmental Humanities*. 2014. Vol. 5. P. 291–294.

Сведения об авторах:

Мартин Хультман, PhD, доцент Факультета технологического менеджмента и экономики в Технологическом университете Чалмерса, Гётеборг, Швеция.

Контактная информация: e-mail: martin.hultman@chalmers.se.

Поль Пуле, PhD, докторант кафедры технологии, науки и общества Факультета технологического менеджмента и экономики в Технологическом университете Чалмерса, Гётеборг, Швеция.

Контактная информация: e-mail: paul.pule@chalmers.se.

Information about the authors:

Martin Hultman, PhD, Associate Professor at Department of Technology Management and Economics, Chalmers University of Technology, Gothenburg, Sweden.

Contact information: martin.hultman@chalmers.se.

Paul Pulé, PhD, Division of Science, Technology and Society at Department of Technology Management and Economics, Chalmers University of Technology, Gothenburg, Sweden.

Contact information: paul.pule@chalmers.se.

Статья поступила в редакцию 20.03.2020.